

Блок 8

Сегодня. - 1994. - 12 окт. - с. 10.

Умер Николай Каретников

Русский композитор, выстрадавший свое творчество. Человек, которому было дано все: мощный талант, непоколебимый дух, недремлющая совесть, семейное счастье, замечательные сыновья, дружеский круг, но не было дано простого жизненного везенья. Зато было у Коли нечто очень редкое — наивная вера, всепобеждающее религиозное чувство, которое, кроме него, в мире композиторов XX века было свойственно только Оливье Мессияну.

Еще недавно мы слышали его разговоры о Шенберге на «Эхе Москвы», и живое слово шло к нам на земле. Вчера по радио «Орфей» звучали его Духовные песнопения памяти Бориса Пастернака, а голос Каретникова читал нам «Гефсиманский сад» уже из другого пространства.

Еще недавно он писал Камерную симфонию — жесткое бескомпромиссное сочинение, а сегодня этот незаконченный опус стал посмертным. Духовный сын отца Александра Меня, еще несколько дней назад он говорил о новой оратории, где бы русский XX век предстал фреской о религиозной войне

— между церковью Божьей и церковью дьявольской, а сегодня написанные фрагменты стали нерасшифрованными иероглифами.

Его «Тилия» не поставил в России Анатолий Эфрос — но недавно вывел на немецкую сцену английский режиссер Джон Дью. Его Четвертую симфонию исполнил несколько месяцев назад оркестр Биби-си.

В один момент все глаголы лишились настоящего времени и погрузились в вечное прошлое.

Он не дождал до исполнения главного детища своей жизни — «Мистерий апостола Павла», он торопил переписку партий для того, чтобы дожить до премьеры в Германии летом следующего года.

Всякому — по его вере. Может быть, он услышит свою музыку, когда она обретет земные звучания, может быть, он узнает ее? До сих пор композитор Николай Каретников был единственным, кто знал ее в лицо, а через год она станет всеобщим достоянием людей.

Баха он считал святым. Сидя на берегу журчащего ручья, он говорил о том, как всякий раз плачет, доходя в Искусстве фуги до того места, где Бах поставил последнюю точку, где настоящее внезапно перешло в вечное прошлое.

В нем жизнь текла и бурлила, накатывала приливом и отливом, как в океане. Помню конец большого праздника, когда со столов убрали посуду, а Коля сидел за роялем и играл что-то из Шопена, из Баха, и глупая бытовка превращалась в праздничный ритуал.

В больнице, за несколько часов до перехода в вечность, он все жалел, что не испек пирог, чтобы повкуснее накормить друзей. Он, конечно, все чувствовал и знал, что хлеб небесный скоро станет ему пищей. И что его музыка зачтется ему как духовный подвиг.

Алексей ПАРИН